

Виктор СУХОРУКОВ:

Я уже в том возрасте, когда нужно не количество, а качество

ПРО СЕБЯ

— Да где это видано, в каком сне могло это присниться, что мальчик из Орехова-Зуева, мечтавший стать актером, в конце концов сыграет Берию, Хрущева, графа Палена, царя Павла Первого! Уж я не говорю о своих бритоголовых убийцах, негодях, подлецах.

ПРО МИНИНА И ПОЖАРСКОГО

— Мы обесценили праздники. Назначенные сверху, надуманные праздники не могут быть народными. Народ — он хи-и-итрый! Ему бы лишь погулять подольше. И никто особо не задумывается над тем, а что мы отмечаем? Взять хотя бы День народного единства. Ну не накрывает никто стол в честь Минина и Пожарского! Вы можете себе представить такую картину: сидят за столом муж, жена, дети, внуки. И вот глава семьи поднимает рюмку и говорит: «Ну, родные мои, давайте — за Минина и Пожарского! И так же, думаю, за великий октябрь за столом не пили. На площадях и улицах — там да, кричали ура. Но не за столом. У нас два настоящих праздника — Новый год и День Победы. Новый год — это надежда, таинство. А человек ведь, даже старея, ждет чуда. Новый год — праздник ожидания чуда. День Победы — он еще близок, еще болит, мы празднуем жертвоприношение.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ И ДОМОФОНЕ

— Национальная идея — это управление государством! Не вера, не Бог, не душа, а управление, организация общества. Если человек в России с самого малого возраста сталкивается со взятками, мошенничеством, несправедливостью, о какой национальной идее можно говорить?

Управлять надо государством — от жэка до Кремля. Вот пример из моей жизни. Объявление повесили: фирма такая-то, у которой договор с моим жэком по домофону, меняет домофонные трубки. Дальше написано, что кабельные сети они меняют, мол, за свой счет, а вот новые трубки мы должны покупать. Я спрашиваю, а если у меня уже есть трубка — хорошая, новая, фирменная, могу ли я ее не менять? Нет, отвечают, не можете. Это что — порядок? Понимаю, что мелочь это, блоха, но все равно неприятно, что меня на ходу, на лету обманывают, меня раздевают на 500 рублей.

ПРО КРИЗИС

— Что такое кризис? И вообще кризис — игра каких людей? Кризис, он не у вас, не у меня. У неработающих людей с большими деньгами — вот у них кризис. А у нас какой может быть кризис? В 90-е, когда умирал кинематограф, я активно снимался. У меня не было года, чтобы я сидел без работы. Когда был советский кинематограф и киностудии выпускали по 200 — 300 картин в год, у меня работы не было. Как только началась перестройка, Юрий Мамин пригласил меня в фильм «Бакенбарды», работа пошла. Сегодня снимаюсь меньше, но этой мой выбор, потому что я больше занят театром. У меня не получается и никогда не получалось одновременно сниматься в двух фильмах и репетировать спектакль. Может, я слишком щепетил в плане разработки роли. Но я сегодня хочу отвечать за качество своей работы. Я уже в том возрасте, когда не количество нужно, а качество.

ПРО ПЕТЕРБУРГ И МОСКВУ

— Как бы я ни ворчал на этот сырой климат, как бы ни скалил зубы, вспоминая пережитое здесь — и одиссею свою алкогольную, и какую-то потерянную, и одиночество, — все равно я этот город в душе берегу, потому что здесь немалая часть жизни прожита.

Меня часто спрашивают, почему я все-таки уехал в Москву. Ответ есть. И он простой. Где любят, туда человек и бежит. Исход был не из города, исход был из театра. Я ушел из Театра Комедии. Мне не было там покоя, мне было там скучно, отвратительно. Не скрою, что в

кино-то у меня к тому времени все шло замечательно. Может быть, поэтому я обнаглел и мне захотелось от театра получить большее — не в материальном плане, а — подчеркиваю — в творческом! Ну не сгодились я руководству со своими желаниями, не сошлись, как говорят, характерами.

А судьба, оказывается, сидела со мной рядом, закинув ногу на ногу, и сказала: «Ну ладно, Сухоруков, я тебе страдать долго не дам!» Мне позвонил Олег Меньшиков и предложил роль в своем спектакле «Игроки».

ПРО ЛОХОВ

— Честность должна быть нормой. Почему мы так трудно живем сегодня? Потому что честности нету как нормы! Честность сегодня дефицит. Больше того — честных людей называют сейчас лохами.

ПРО ПОПУЛЯРНОСТЬ

— Сегодня почти у всех актеров популярность связана только с кино и телевидением. Сейчас даже больше с телевидением. И это очень печально. Потому что популярность, которую дает кино, — не очень-то высокого качества. А уж популярность телевизионная — вообще ширпотребная. Театр — это другое. На сцене все живое — и дыхание, и пот, и глаза, и чувства... Все! А кино ведь — это индустрия...

ПРО ПАВЛА ПЕРВОГО И ГРАФА ПАЛЕНА

— Не верьте заговорщикам, которые говорят, что радеют за идею, за благо страны, народа. Почитайте внимательно историю, разберитесь, кто кого переворачивал и почему. Работая над ролью Павла Первого, я понял, что этот дворцовый переворот был корыстным, личностным. Никто не думал ни о крестьянах, ни о жен-

щинах, ни о жизни российской. Сдалась она им! Или возьмите даже октябрьский переворот. Он что — был ради нас с вами? Кто это вам сказал?

А в фильме Хотиненко я сыграл графа Палена. Павла дали Саше Баширову. И знаете, почему я согласился на роль? Из-за чулок! Да-да, до этого мне никогда не приходилось играть в костюмах XVIII века со всеми этими чулочками, рюшечками...

ПРО ГОСУДАРСТВО

— Часто спрашивают: может ли театр обойтись без господдержки? Может. Но это очень тяжело для масштабной нашей страны. Я однажды завел тему, не свойственную актеру. Страна моя и ваша — от Калининграда до Владивостока. Между этими городами около 11 тысяч километров. И когда мне говорят, что нерентабельны самолеты, что очень дороги билеты на самолеты, которые летят, скажем, из Хабаровска в Москву или из Сочи на Ямал, я понять этого не могу. Я считаю, что не может быть даже такого разговора, чтобы в нашем государстве так дорого стоили билеты. Потому что страна — это моя квартира! Бог дал нам такую квартиру — 11 тысяч километров. А теперь представьте, что населяющие страну народы — это ваша семья. И что же тогда такое получается? Это значит, что на кухню я захожу за рубль, а в комнату уже за сто рублей, потому что она дальняя?! Да вы лучше возьмите подороже за что-нибудь другое — за удовольствия какие, курение, алкоголь. А летать в своей стране человек должен по доступным ценам! Так же и культура — должна быть доступна всем! И кино государство должно поддерживать. Потому что кино — это мощнейшее оружие! А многие хорошие российские фильмы (в том числе и те, где я снимался) так и не попадают в прокат. Прокатчики говорят: «Кассы не будет!» Что это значит — кассы не будет?

ПРО РЕКЛАМУ

— Я не снимался в рекламе по многим причинам. Во-первых, потому, что рожей не вышел. Ну как Витя Сухоруков будет вдруг предлагать людям мыло или зубную пасту? Во-вторых, я не буду рекламировать товар, который я не знаю. Есть один крем после бритья, которым я пользуюсь с 96-го года. Наш, питерский. Не могу назвать, но, поверьте, это идеальный крем для лица. За свою жизнь я много чего перепробовал, но все равно возвращаюсь к этому крему. Вот его я бы мог людям рекомендовать. А как я буду предлагать другие, если ими не пользовался никогда? Были же случаи, когда человек рекламировал товар, от которого потом страдали люди. Третье. Ну чего я буду мелькать, как муха, все время? Я ведь и сам терпеть не могу, когда смотрю кино, а мне его перебивают постоянно рекламой. Так я уже к концу фильма ненавижу этих людей, которые в рекламе снимались. И четвертое: у меня пока другая работа есть.

ПРО ОБРАЗОВАНИЕ

— Есть у нас система Станиславского. Я не работаю по системе Станиславского. Но я это говорю потому, что знаю, что такое система Станиславского. И только поэтому могу сравнить. Только на базе знания мейерхольдовской школы, вахтанговской, школы Таирова, театра пантомимы я могу изобретать что-то свое и впускать в эти изобретения, уж извините, свой талант. И вот тогда появляется то, что можно называть харизмой, индивидуальностью или, в конце концов, открытием. И в театральном не учат таланту! Но есть какие-то правила. Наука. Мы выходим на сцену, и я вижу, как один актер перекрывает собой другого актера. Школа нарушена!

ПРО «ВЕЧЁРКУ»

— Первая похвальная рецензия обо мне была опубликована в «Вечернем Ленинграде». Там была рубрика, которая называлась «Союз труда и искусства». Не помню точно, когда именно. Я долго хранил газету. А потом, к сожалению, потерял, когда переезжал.

Материал подготовили
Зинаида АРСЕНЬЕВА и Борис ОСЬКИН
Фото Натальи ЧАЙКИ

